

КАК СКЛАДЫВАЛОСЬ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРЕДАНИЕ О БЛАГОСЛОВЕНИИ СЕРГИЕМ РАДОНЕЖСКИМ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО НА КУЛИКОВСКУЮ БИТВУ

О Куликовской битве рассказывают несколько произведений так называемого Куликовского цикла: летописные повествования (заметка, рассказ, повесть), «Сказание о Мамаевом побоище» и «Задонщина».

«Сказание» современные исследователи характеризуют как самый подробный, сюжетно развитый, но при этом далеко не во всем достоверный рассказ о битве 1380 г. Дмитрия Донского с Мамаем. Особенностью «Сказания» по сравнению с другими памятниками Куликовского цикла, в том числе с «Летописной повестью», является наличие в нем трех явных анахронизмов: 1) Литовский князь, союзник Мамаю, назван Ольгердом, тогда как на самом деле им был сын Ольгерда – Ягайло, как об этом и сообщает «Летописная повесть»; 2) По «Сказанию», активным участником событий 1380 г. выступает митрополит Киприан, которого в то время в Москве не было; 3) В «Сказании» Дмитрий молится перед иконой Владимирской Богоматери, которая была перенесена в Москву позже, в 1395 г., для защиты города от нашествия Тамерлана.

Вызывает у некоторых исследователей сомнение достоверность и других сообщений «Сказания», в том числе эпизодов, рассказывающих о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву: приезд Дмитрия накануне битвы в Троицкий монастырь, получение им уже на поле боя благословенной «грамоты» Сергия, изображение Пересвета и Осляби монахами Троицкого мона-

стыря, посланными на битву Сергием Радонежским, поединок чернеца Пересвета с богатырем из войска Мамаю.

Рассказ о посещении Дмитрием Сергия Радонежского перед Куликовской битвой М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин отнесли к повествованиям «легендарного характера».¹ Л. В. Черепнин отметил при этом, что «вкрапленные в повествование легендарные эпизоды» соответствуют идейной направленности «Сказания», которая отличается ярко выраженным церковно-религиозным характером. Отрицать саму возможность «расцветенного» в «Сказании» визита Дмитрия к Сергию Радонежскому, по мнению Черепнина, нет оснований, однако «гораздо ближе к истине простой и лаконичный рассказ *летописной повести* о благословенной грамоте Сергия, которую Дмитрий Иванович получил, уже подходя к Дону» (курсив мой. — Л. С.).² В. Л. Егоров считает, что это сообщение «Летописной повести» о благословенной грамоте косвенно подтверждает достоверность рассказа «Сказания» о поездке Дмитрия в Троицкий монастырь: «Такой поступок не имел бы смысла, получи ранее великий князь его личное напутствие».³

Начиная с 1987 г. появилось несколько статей В. А. Кучкина, в которых на основании анализа исторических реалий доказывается, что сведение о благословении Сергием Радонежским великого князя на Куликовскую битву является позднейшим вымыслом.⁴ Исследователь указал на то,

---

¹ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 346–347; Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 605–606.

² Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. С. 606.

³ Егоров В. Л. Пересвет и Ослябя // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 180.

⁴ Кучкин В. А. 1) Свидание перед походом на Дон или на Вожу? // Наука и религия. 1987. № 7. С. 50–53; 2) О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37: Православие в истории России. М.,

что рассказ «Сказания» о посещении Дмитрием Троицкого монастыря содержит несогласуемые с другими эпизодами «Сказания» и с более ранними источниками факты: 1) В рассказе «Сказания» о дате приезда Дмитрия к Сергию в Троицкий монастырь имеются противоречия: по «Сказанию», посещение монастыря состоялось в воскресенье, на память мучеников Флора и Лавра, их память – 18 августа, но в 1380 г. это была суббота; 2) По приказу Дмитрия Ивановича полки должны были быть в Коломне на Успеньев день, т. е. 15 августа; получается, что Дмитрий не послал войска к Оке, но после Успенья увел их 18 августа из Москвы в противоположном направлении – к Троице. Эти несообразности убеждают В. А. Кучкина в том, что дата посещения Дмитрием Троицы недостоверна; 3) По «Сказанию», в монастыре водой с мощей Флора и Лавра кропили воинов, однако наличие в монастыре в то время мощей Флора и Лавра вызывает сомнение; 4) Александр Пересвет и Андрей Ослябя, которые по «Сказанию» были иноками Троицкого монастыря, на самом деле, как доказывает В. А. Кучкин, ими не были; 5) Неправдоподобным выглядит сообщение «Сказания» о том, что Пересвет и Ослябя сражались не в воинских доспехах, а в кресчатых схимах; 6) Поездки Дмитрия в Троицкий монастырь к Сергию (о которой молчат ранние источники) не могло быть по причине того, что в конце 70-х гг. XIV в. отношения великого князя и его духовника, игумена Троицкого монастыря, были напряженными, достигнув наибольшей остроты весной–летом 1379 г. в связи с тем, что Сергей выступал на стороне Киприана, а Дмитрий не принимал последнего как митрополита и выдвинул на митрополичий престол Митяя (В. А. Кучкин считает, что только в 1385 г. отношения Сергия и великого князя наладились).⁵

1988. С. 100–116; 3) Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 103–126.

⁵ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 103–126. Эти несоответствия источ-

По мнению В. А. Кучкина, факт свидания Дмитрия с Сергием автор «Сказания» взял из третьей Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского (1442 г.). Пахомий же, как полагает исследователь, ошибочно связал посещение Дмитрием Ивановичем Сергия Радонежского, имевшее место накануне битвы на Воже, с Куликовской битвой. Дело в том, что в рассказе Жития о посещении Дмитрием Троицкого монастыря говорится о построении им после победы над Мамаем обетной церкви Успения Богородицы, освящение которой состоялось, как сообщает Троицкая летопись, 1 декабря 1379 г., т. е. более чем за 9 месяцев до Куликовской битвы. Поэтому В. А. Кучкин считает, что церковь на Дубенке была построена после битвы на Воже. Не случайно она посвящена не Рождеству Богородицы, а Успению (битва на Воже состоялась 11 августа 1378 г., за три дня до Успения Богородицы).⁶ Б. М. Клосс полагал, что на самом деле освящение церкви состоялось 1 декабря 1381 г. Он основывался на том, что 1 декабря было воскресным днем не в 1379, а в 1381 г.⁷ Но, как показал В. А. Кучкин, освящение церковью происходило вовсе не обязательно в воскресенье.⁸

Что касается сообщения «Сказания» о благословенной грамоте Сергия, полученной Дмитрием на поле боя, то В. А. Кучкин считает его также недостоверным: «врядли возможны сомнения в нарочитой связи между решением русских полководцев биться “за Доном” и способствовавшим такому решению посланием троцкого игумена». По мнению Кучкина, сообщение о благословенной грамоте заимст-

---

никам и реальной ситуации В. А. Кучкин объясняет временем создания «Сказания», которое, по его мнению, было написано спустя 120–130 лет после событий 1380 г. и в котором в связи с этим элементы вымысла и догадки занимали большое место. Однако позднюю датировку «Сказания» – концом XV – началом XVI в. принимают не все исследователи.

⁶ Там же. С. 117–118.

⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 35.

⁸ Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 101–102.

вовано из «Летописной повести о Куликовской битве», в которой эпизод с посланием искусственно введен в текст, как искусственно введены в этот текст многочисленные молитвы и благочестивые рассуждения Дмитрия, что является характерной чертой митрополичьего Новгородско-Софийского свода. В этом своде старались подчеркнуть исторические заслуги Сергия Радонежского, здесь, например, сообщается, что в 1365 г. он был послан Дмитрием в Нижний Новгород к князю Борису Константиновичу звать его на переговоры в Москву (в своде 1408 г. события изложены иначе и Сергей не упоминается).⁹

Появление в «Сказании о Мамаевом побоище» эпизода с Пересветом и Ослябей, по мнению В. А. Кучкина, следует объяснять тем, что, «как известно, автор “Сказания” был знаком с полной Распространенной редакцией “Задонщины”. Там Пересвет и Ослябя были названы чернецами». «Имя Пересвета (Александр. – Л. С.) автор “Сказания” заимствовал, скорее всего, из Пространной летописной повести о Куликовской битве. Эта повесть включила материал Краткой летописной повести, где упоминался Александр Пересвет».¹⁰ «Думается, что причисление Осляби и Пересвета к чернецам – результат позднего (конца XV – начала XVI в.) редактирования “Задонщины”, а не черта первоначальной редакции памятника. Первоначальный текст в данном случае лучше сохранен Краткой редакцией “Задонщины”, где Пересвет и Ослябя выступают как миряне, а не как монахи».¹¹

Точку зрения В. А. Кучкина, согласно которой в действительности не было посещения Дмитрием Троицкого монастыря накануне Куликовской битвы ради благословения его

---

⁹ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 119–120.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ Там же. С. 107. В. А. Кучкин ошибается: в Краткой редакции «Задонщины» в списке погибших назван «Пересвѣтъ чернец» (см.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. Тексты. С. 550).

Сергием, поддержали и развили А. Л. Никитин,¹² А. Е. Петров,¹³ А. А. Меленберг,¹⁴ И. Н. Данилевский,¹⁵ Ф. И. Синельников¹⁶ и др.¹⁷

Тем не менее, до сих пор выходят статьи, авторы которых излагают как достоверные факты сообщения «Сказания», в том числе сообщение о благословении Сергием

---

¹² *Никитин А. Л.* 1) Одиссея Александр Пересвета // Наука и религия. 1990. № 5. С. 32–36; 2) Подвиг Александра Пересвета // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 256–272; 3) Александр Пересвет и Сергей Радонежский // Никитин А. Л. Основания русской истории : Мифологемы и факты. М., 2001. С. 494–530.

¹³ *Петров А. Е.* Туман над полем Куликовым // Вокруг света. 2006. № 9 (2792). С. 58–70.

¹⁴ *Меленберг А. А.* Непрядва или неправда : Сергей Радонежский не благословлял Дмитрия Донского на битву с Мамаем // Политический журнал. 23 мая 2005 г. (Режим доступа: http://www.religare.ru/2_21607.html).

¹⁵ *Данилевский И. Н.* Как Сергей Радонежский стал героем Куликовской битвы // Родина. 2014. № 5. С. 11–15.

¹⁶ Интервью с Ф. И. Синельниковым было опубликовано в трех выпусках сетевого журнала «Проект Выход» (Режим доступа: exitum.org): 10.08.2013, 14.08.2013, 17.09.2013.

¹⁷ А. Б. Каменский, выступая 2 февраля 2008 г. в программе Сергея Бунтмана «Не так» на радиостанции «Эхо Москвы», посвященной историческим мифам, заметил, что «историки сегодня абсолютно твердо знают, что Дмитрий Донской накануне Куликовской битвы не ездил в Троицкий монастырь за благословением к Сергию Радонежскому», поскольку Троицкий монастырь находится в совершенно противоположном направлении, нежели то, куда надо было двигаться Дмитрию и его войску. Этот миф, по словам А. Б. Каменского, «возник <...> тогда же, в XIV веке, по всей видимости», «вполне вероятно, что автор “Задонщины” <...> знал, как было дело в действительности, а с другой стороны, <...> он чувствовал, что событие, которое он описывает, оно, как бы, вот, требует вот этого» (Режим доступа: <http://echo.msk.ru/programs/netak/492871-echo/>). Между тем в «Задонщине» не говорится о поездке Дмитрия в Троицкий монастырь, и сообщение о поездке появляется в произведениях не XIV, а XV в.

Дмитрия Донского.¹⁸ Более того, в юбилейных статьях, посвященных 700-летию Сергия Радонежского, утверждается, что «без благословения Сергия не состоялась бы победа на Куликовом поле», ибо «благословение было санкцией на объединение русских княжеств под флагами Дмитрия Донского», «это и духовное деяние, и ответственный политический ход».¹⁹ Утверждается также, что «благословение Сергия Радонежского стало для нас образом Победы», и в этом – «еще одно объяснение бессмертия основателя Свято-Троицкой лавры», что «Сергия Радонежского называют родоначальником земли Русской именно потому, что был он духовным отцом куликовской победы».²⁰ На этом фоне выглядит неожиданным вывод Н. С. Борисова, автора книг о Сергии Радонежском, о цели поездки Дмитрия Ивановича к Сергию в Троицкий монастырь: «ему нужно было услышать прозорливое слово праведника. Он волновался, как любой человек, он боялся погибнуть на Куликовом поле. <...> И Сергий сказал ему: ты будешь жить! И с этой верой Дмитрий твердой стопой пошел на Куликово поле...»²¹ Такая трактовка визита сводит на нет стремление придать посещению Дмитрием Сергия Радонежского большое общественно-политическое значение.

Если в указанных юбилейных статьях не упоминается о сомнениях ученых относительно достоверности факта

---

¹⁸ Кириллин В. М. Куликово поле : Взгляд через столетия // Родина. 2010. № 8. С. 6; Р. Ю. Почекаев. «А поможет ти Бог и Святая Троица»... : Почему Сергий Радонежский призывал на борьбу с Ордой? // Родина. 2014. № 5. С. 54–56; Борисов Н. Эпоха преподобного Сергия // Родина. 2014. № 5. С. 4–8.

¹⁹ Слово Сергия объединяло народ [Интервью с председателем Московского общества истории и древностей российских, членом Совета Российского исторического общества П. П. Александровым-Деркаченко] // Литературная газета. 2014. № 28 (16–22 июля). Приложение: «Игумен всея Руси». С. 2.

²⁰ Замостьянов А. Меч и молитва : Преподобный Сергий и Куликовская битва // Литературная газета. 2014. № 28 (16–22 июля). Приложение: «Игумен всея Руси». С. 1.

²¹ Борисов Н. Эпоха преподобного Сергия. С. 7.

благословения, то Д. М. Володихин попытался возразить В. А. Кучкину, но, обвинив автора в антиклерикализме, в попытке представить сообщение «Сказания» о благословении «церковной легендой», т. е. «поповскими бреднями» («форма, в которой выражена идея гипотезы, – чисто научная, но суть ее, глубинная суть, очень далека от науки»), не смог привести серьезных контраргументов. Его доводы носят характер предположений. Например, он предполагает, что Киприан мог дать благословение Дмитрию на битву с ордынцами в 1378 г., перед битвой на Воже, а Сергей, несмотря на разногласия с великим князем, не мог не благословить Дмитрия: «в роковые моменты лишь ничтожная личность принимается холить и лелеять прежние обиды».²² Что касается того, что в Житии Сергия Радонежского нет сведений о посылке им на битву двух иноков, то, по словам Володихина, «составителя “Жития” никто не обязывал их туда включать». Отвечая на аргумент, что инокам драться в бою неуместно,²³ Володихин выдвинул предположение, что Пересвет и Ос-

---

²² Володихин Д. М. Благословлял ли Сергей Радонежский Дмитрия Донского? // Фома. 2014. № 7 (135). С. 68–72.

²³ Этот аргумент выдвинул А. Л. Никитин, отметивший, что рассказ о Сергии Радонежском и Пересвете вызывает множество недоуменных вопросов, в том числе: «Как мог принимать непосредственное участие в сражении монах, тем самым отринув данные им при постриге обеты?» (Никитин А. Л. Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 495). Согласно церковным каноническим правилам – 83 правилу святых апостолов и 7 правилу четвертого Вселенского Собора, монах (а тем более схимонах) не имел права брать в руки оружие. Впрочем, А. Е. Мусин, специально рассмотревший вопрос об участии древнерусского духовенства в битвах, пришел к заключению: «...очевидно, что духовенство в средневековой Руси принимало участие не только в боевых походах в качестве пастырей, но и в боевых действиях в качестве воев». «Лишь в Московское время, в связи с выделением священства в замкнутое сословие, запрет на использование оружия стал практически абсолютным» (Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси : Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб., 2005. С. 60, 62).

лябья ко времени визита великого князя к Сергию, возможно, еще не приняли иноческих обетов, были послушниками, а значит, «могли на время скинуть подрясники, чтобы надеть кольчуги».

Ранее отстоять достоверность сообщения о благословении пытались К. А. Аверьянов, по мнению которого встреча Дмитрия Донского с Сергием состоялась 12 августа 1380 г.,²⁴ и С. Н. Азбелев, который в тезисах конференции заявил, что «привлечение дополнительных источников (они не названы. — Л. С.) дает возможность подтвердить выводы тех исследователей, которые полагали, что профессиональные воины Пересвет и Ослябя, прибывшие с князем Дмитрием в Троицкий монастырь (? — Л. С.), здесь приняли монашеский постриг и получили от игумена Сергия Радонежского благословение на участие в битве с ордынским войском Мамая». Исследователь считает достоверным и благословение Дмитрия Киприаном.²⁵

О. А. Плотникова в юбилейной статье 2014 г. резюмирует, что за десятилетия споров наука так и не пришла к однозначному выводу о «подлинности» или «мнимости» факта благословения. При этом «легенда о благословении — независимо от степени историчности самого факта — стала естественной частью повествования об этой победе. В истории благословение Сергия стало символом единения народа, власти и Церкви перед лицом внешнего врага».²⁶

Однако этот историко-литературный факт не освобождает исследователей от необходимости разобраться, какой из двух источников содержит достоверные данные, кто в действительности благословлял воинов на Куликовскую

---

²⁴ Аверьянов К. Загадка Сергия Радонежского // Наука в России. 2008. № 5. С. 79–85.

²⁵ Азбелев С. Н. Православная церковь и сражение на Куликовом поле // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2011. № 3 (45). С. 5–6.

²⁶ Плотникова О. Печальник земли Русской : Благословение преподобного Сергия великому князю Дмитрию Ивановичу // Родина. 2014. № 5. С. 50.

битву: коломенский епископ Герасим, как сообщает «Летописная повесть», или митрополит Киприан и Сергей Радонежский, как следует из «Сказания».²⁷ Уважение к выдающимся личностям прошлого, к которым относится Сергей Радонежский, не должно вступать в конфликт с историческими фактами и биографическими данными.

***

Текстологический анализ памятников Куликовского цикла (отнесем к ним и Житие Сергия Радонежского) позволяет ясно представить, как складывалось литературное предание о благословении Сергием Дмитрия Донского, получившее свое наиболее полное воплощение в «Сказании о Мамаевом побоище».

Начало созданию легенды о благословении было положено в «Летописной повести о Куликовской битве». В первоначальный текст Повести, вероятно при включении ее в Новгородско-Софийский свод (свод Фотия 1418 г.), было внесено сообщение о том, что в то время, когда великий князь с войском пришел к Дону, «приспѣла грамота от преподобнаго игумена Сергия – и от святаго старца благословение. В ней же написано благословение таково, веля ему битися с тотары: “Чтобы еси, господинъ, таки пошел, а поможет ти Богъ и святаа Богородица”». Получив благословение, Дмитрий «нача полци ставити, и устраяше и во одѣжду их мѣстную, яко великии ратници, и воеводы ополчиша свои полкы».²⁸ Казалось бы, решение принято. После этой вставки идет текст первоначальной редакции Повести. В нем вновь сообщается о том, что Дмитрий пришел с войском к Дону, что «сташа ту и много думавше», переходить Дон, как советовали одни, или нет, как советовали другие. Известие о том, что Мамай стоит у Дона и ожидает своего

---

²⁷ В «Сказании» епископ коломенский Герасим тоже упоминается (в Основной редакции он ошибочно назван Геронтием), но здесь его роль сведена к встрече в городских воротах с крестами прибывшего к Коломне войска великого князя.

²⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 19.

союзника Ягайла, заставило Дмитрия принять решение переправляться через Дон, чтобы не дать соединиться войскам Мамай и Ягайла. Два этих сообщения явно противоречат друг другу. Согласно тексту вставки, решение переходить Дон принято после получения благословенной грамоты Сергия, а согласно первоначальному тексту Повести – после получения известия о том, что Мамай стоит у Дона и ждет своего союзника Ягайла.

Итак, текстологический анализ показывает, что в первоначальном тексте Повести, созданном в 80-х гг. XIV в. в кругу московского великого князя Дмитрия Ивановича,²⁹ сообщения о благословенной грамоте не было, оно внесено при включении ранее созданной Повести в свод Фотия (Новгородско-Софийский свод). Как указал В. А. Кучкин, это не единственное сообщение о Сергии Радонежском в этом своде, вызванное стремлением усилить его общественную роль.³⁰

Вторым этапом в истории предания о благословении является первая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского. Она была создана Пахомием Сербом в Троицком монастыре в 1438 г. (по датировке Б. М. Клосса) или несколько позже в связи с начавшейся подготовкой к канонизации троицкого игумена. Хорошо осознавая значение победы в Куликовской битве, Пахомий делает Сергия причастным к этой победе. Взяв за основу сообщение Троицкой летописи о создании монастыря на Дубенке и освящении в нем 1 декабря 1379 г. церкви Успения Богороди-

---

²⁹ См. об этом: *Соколова Л. В.* Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 316–318.

³⁰ Явно вторичный характер сообщения о благословенной грамоте Сергия не позволяет согласиться с гипотезой А. Л. Никитина, согласно которой факт присылки благословенной грамоты является достоверным, а «грамоту» от Сергия принес Дмитрию Ивановичу Александр Пересвет. См.: *Никитин А. Л.* Александр Пересвет и Сергий Радонежский. С. 517–519.

цы,³¹ Пахомий Серб не только связал построение церкви с Куликовской битвой (опустив летописную дату освящения церкви), но и, основываясь на летописном сообщении о том что церковь была поставлена «по повелению» великого князя Дмитрия Ивановича, создал вымышленный сюжет приезда Дмитрия в Троицкий монастырь. Согласно Житию, Дмитрий пришел «некогда» к Сергию Радонежскому и, поведав ему печальные новости о том, что «*Мамаи въздвиже всю Орду и идет на Русьскую землю, хотя разорити церкви*», попросил: «Тѣм же, отче святыи, помози Бога о том, яко сия печаль обща всѣм християном естъ».³² Заметим, Дмитрий не просит в этой редакции Жития благословения на битву с Мамаем. Сергей, тем не менее, говорит ему: «Иди противу их, и Богу помогающе побѣдиши, и здравъ съ вои своими възвратишася, токмо не малодушьствуи».³³ Далее Дмитрий обещает в случае победы построить церковь во имя Успения Богородицы и создать при ней монастырь «общего жития». После победы, предсказанной Сергием, Дмитрий просит игумена обрести место для построения церкви. Сергей находит место, призывает Дмитрия Ивановича, и они совместно основывают церковь и общежительный монастырь, игуменом в котором был поставлен один из учеников Сергия.

В третьей редакции Жития Сергия Радонежского, созданной в 1442 г., Пахомий Серб далее разрабатывает сюжет о благословении Сергием Дмитрия Ивановича на Куликовскую битву. Здесь Дмитрий уже вопрошает Сергия, повелит ли он пойти против поганых, просит у троицкого игумена благословения, поскольку видит в нем «мужа

---

³¹ В. А. Кучкин не рассматривал рассказ Троицкой летописи (под 1379 г.) о построении церкви на Дубенке в качестве источника Жития Сергия Радонежского.

³² Первая Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 369.

³³ Там же.

добродѣтелна и свята и даром прозорьства почтена». ³⁴ Кроме того, Пахомий Серб вносит в третью редакцию Жития Сергия заимствованный им из «Летописной повести о Куликовской битве» эпизод с благословенной грамотой троицкого игумена. По Житию, грамоту Дмитрий получает не перед переходом через Дон, как в «Летописной повести», а непосредственно перед началом сражения, когда русские воины оробели при виде многочисленного войска Мамаея. В благословенной грамоте Сергия, присланной с «борзоходцем», говорилось: «Царю великии, да не устрашатся сердца ваша безбожных множества, нѣсть бо крѣпости в них, всяко побѣжени будут силою Христовою, понеже с вами есть». И слышав это князь великий со всем своим воинством, «веле дръзновение приаша, зѣло въскорѣ поидоша противу поганых». ³⁵ Далее, используя, видимо, ту же «Летописную повесть», Пахомий Серб кратко повествует о сражении. В третьей редакции Жития разрабатывается также мотив прозорливости Сергия: в тот час, когда была одержана победа над Мамаем, Сергей «все по ряду исповѣда всѣм учеником своимъ» о победе, назвал по именам убитых и сотворил о них молитву ко Господу. ³⁶ По этой редакции Жития, Дмитрий после битвы приезжает в монастырь, благодарит Сергия, просит его «обрести место» и построить церковь во имя Успения Богородицы, что Сергей и осуществляет. В этой редакции (в отличие от первой) названо имя игумена созданного монастыря — Савва (в Троицкой летописи — Леонтий).

Четвертым этапом формирования предания о благословении Сергием Дмитрия Ивановича на битву явилось «Сказание о Мамаевом побоище». Автор его взял за основу рассказ третьей редакции Жития Сергия Радонежского, в том числе и эпизод с благословенной грамотой: по «Сказанию», Дмитрий получает ее, как и в Житии Сергия, не-

---

³⁴ Третья Пахомиевская редакция Жития Сергия Радонежского // *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. С. 403.*

³⁵ Там же. С. 404.

³⁶ Там же.

посредственно перед битвой (в «Летописной повести» – перед переходом через Дон).³⁷ В «Сказании» опущен житейный мотив строительства обетной церкви на Дубенке, но зато подробнейшим образом разработан эпизод приезда Дмитрия Донского в Троицкий монастырь: он приезжает не только с Владимиром Андреевичем и другими князьями, но и со всем собранным войском; по настоянию Сергия, Дмитрий, несмотря на известие о приближении Мамая, остается не только на литургию, но и на трапезу, после которой было окроплено святой водой все его войско. Сергий благословляет великого князя и предсказывает ему победу («Имаши, господине, побѣдити супостаты своя, елико довлѣеть твоему государству»)³⁸ Дмитрий просит Сергия послать с ним на битву Пересвета и Ослябю, – не как опытных полководцев, а как знак присутствия самого Сергия на битве, его помощи воинам. Сергий посылает на битву монахов, дав им вместо тленного оружия нетленное – крест Христов, нашитый на схирах, которые повелел возложить на себя вместо шлемов. Простившись с Сергием, великий князь вернулся в Москву. Там вместе с братом Владимиром Андреевичем он посетил митрополита Киприана и поведал ему о предсказании троицкого игумена. Митрополит велел князьям хранить это в тайне. В эпизоде о присылке благословенной грамоты посланник, по «Сказанию», вручает Дмитрию не только грамоту, но и богородичный хлебец (освященную просфору), «потребив» который, Дмитрий простирает руки к небу, «великим гласом» славит Троицу и молит Богородицу помочь ему молитвами игумена Сергия.

Итак, мы видим, как в третьей Пахомиевской редакции Жития Сергия Радонежского (а за ней и в «Сказании») соединились два вымышленных эпизода: эпизод с благословенной грамотой (заимствованный из «Летописной повести») и эпизод приезда Дмитрия в Троицкий монастырь

---

³⁷ По «Сказанию», к переходу через Дон Дмитрия Ивановича склоняют Ольгердовичи.

³⁸ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 31.

(сочиненный Пахомием в его первой редакции Жития Сергия Радонежского на основании сообщения Троицкой летописи о строительстве церкви на Дубенке). Ни о каких иноках, посланных Сергием с князем, ни одна из древних редакций жития Сергия, оставшихся от XV в., не упоминает. Это сообщение читается только в «Сказании».³⁹

Таким образом, следует признать, что Сергей Радонежский не благословлял Дмитрия на Куликовскую битву. О том, что накануне Куликовской битвы Дмитрий Иванович не приезжал в Троицкий монастырь, свидетельствует и содержание одной из приписок к Троицкому стихирарю, согласно которой первые вести о военной угрозе со стороны объединенных сил ордынцев и Литвы были получены в Троицком монастыре только в двадцатых числах сентября 1380 г., т. е. спустя две с лишним недели после битвы.⁴⁰ Это представляется тем более правдоподобным, что на поездку к Троице просто не было времени: «слишком скорыми были сборы князя Дмитрия в поход, слишком много забот было у него, слишком долгод – по тем временам – путь от Москвы до Троицкого монастыря в такие напряженные дни».⁴¹ Дос-

---

³⁹ Текст Пахомиевских редакций Жития Сергия Радонежского свидетельствует, что до второй половины XV в. никто из окружения Сергия в Троицкой обители не знал о посылке с Дмитрием иноков, в противном случае этот факт вряд ли Пахомий Серб мог обойти молчанием в своих редакциях Жития. О Пересвете и Осяби, которых Сергей посылает на битву с Мамаем, говорится только в поздней редакции Жития Сергия, входящей в состав Никоновской летописи (1520-е гг.). Это сообщение заимствовано редактором Жития из «Сказания о Мамаевом побоище», также входящего в состав Никоновской летописи под 1380 г.

⁴⁰ Публикацию приписки см.: *Столярова Л. В.* Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1995. М., 1997. С. 76; *Никитин А. Л.* Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 504.

⁴¹ *Шамаро А. А.* Как устояла Русь // *Наука и религия.* 1980. № 8. С. 22. По мнению А. А. Шамаро, «скорее всего, “своеручная грамота” троицкого игумена и была единственным его отсутствием».

товерным же является, вероятно, сообщение «Летописной повести» о том, что благословлял Дмитрия на битву с Мамаем коломенский епископ Герасим, который, как предполагают, исполнял обязанности местоблюстителя митрополичьего престола в отсутствие в Москве митрополита.

Факт поездки Дмитрия к Сергию Радонежскому некоторые исследователи вслед за В. А. Кучкиным склонны признавать достоверным, относя поездку ко времени битвы на Воже, которая произошла 11 августа 1378 г.⁴² Однако никаких оснований для этого нет. Как видим, основываясь на сообщении Троицкой летописи под 1379 г. о строительстве Успенской церкви на Дубенке «по повелению» великого князя, Пахомий Серб разработал в первой редакции Жития Сергия вымышленный сюжет о том, что эта церковь была построена по обету, данному Дмитрием Ивановичем во время встречи с Сергием в Троицком монастыре накануне битвы с Мамаем.

Вопрос, однако, осложняется тем, что Александр Пересвет действительно участвовал в Куликовской битве и погиб в сражении. Но был ли он монахом? В древнем пергаменном Синодике кремлевского Успенского собора XV в. (ГИМ. Синодальное собр. № 667) под рубрикой «убиенные от безбожного Мамаа» перечисляются имена убитых в сражении двух белозерских князей (Федора и его сына Ивана) и семи воевод («И в той же брани избиеным Симону Михайловичу, Никуле Васильевичу, Тимофею Васильевичу Валуеву, Андрею Ивановичу Серкизову, Михаилу

---

⁴² По словам А. Л. Никитина, «визит этот был вызван крайней необходимостью. Впервые московский князь выступал против своего ордынского сюзерена, которому приносил некогда присягу на верность, и освободить от нее князя могла только Церковь, ибо он целовал Орде крест; впервые без предупреждения и договоренности он вторгнулся со своим войском на территорию дружественного Москве Рязанского княжества, что могло привести к долгому розмирю и даже к выступлению рязанского князя против Москвы в союзе с ее многочисленными врагами...» (Никитин А. Л. Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 505).

Ивановичу, Лву Ивановичу, Семену Мелику и всей дружине ихъ, по благочестию скончавшихся за святыхъ церкви и за православную веру, вечная память»»). Список этих имен, восходящий к записям конца XIV в., был заимствован автором заметки о Куликовской битве в «Летописце Великом русском» (своде конца XIV в.), текст которой передает Московско-Академическая летопись.⁴³ К именам Синодика составитель великокняжеского «Летописца Великого русского» в конце списка добавил имя «Олександр». В рассказе о Куликовской битве свода 1408 г. (Троицкой летописи) к имени Александр добавлено прозвище «Пересвет». В «Летописной повести» имя Александра Пересвета поясняется: «бывый преже бояринъ брянский», и отмечается, что в списке перечислены имена «*быша князи токмо и воеводы, и нарочитых и старьйших бояръ имена*, а прочих бояръ и слугъ оставих имена и не писах ихъ множества ради именъ <...> мнози бо на той брани побьени быша» (курсив мой. — Л. С.).⁴⁴ Поскольку летописное упоминание Александра Пересвета не сопровождается указанием на то, что он был монахом, а напротив, он назван в числе бояр и воевод, надо полагать, что Александр — имя светское, а не монашеское. Вероятно, он, как брянский боярин, перешел на службу к московскому князю вместе со своим сюзереном Дмитрием Брянским. Только в «Сказании о Мамаевом побоище» Александр Пересвет впервые предстает то ли монахом, то ли схимонахом, что противоречит более ранним и более достоверным летописным источникам.

Андрей Ослябя в летописных повествованиях о Куликовской битве не упоминается, по «Сказанию» же он является

---

⁴³ См. об этом: Соколова Л. В. 1) Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников). С. 321–323; 2) Об источниках рассказа о Куликовской битве в своде 1408 г. (Троицкой летописи) // Академик А. А. Шахматов : жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб., 2015. С. 294–308.

⁴⁴ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 22.

братом Пересвета и, как и он, монахом Троице-Сергиевой лавры. Андрей Ослебятя (Ослябя) в начале 90-х гг. XIV в. был еще жив. Он упоминается как боярин митрополита Киприана в грамоте 1483 г. Ивана III, повторяющей более раннюю (недошедшую) грамоту, составленную между 6 марта 1390 г. и 13 февраля 1392 г.⁴⁵ В грамоте 1483 г. Андрей Ослябя, митрополичий боярин, назван «чернецом», но, вероятно, этого слова в тексте первоначальной грамоты не было. Дело в том, что под 1398 г. Московский летописный свод конца XV в.⁴⁶ сообщает, что «Родион чернец Ослѣбѣ, бывшии прежде боляричь Любутскийи», по совету митрополита (Киприана) был послан великим князем Василием Дмитриевичем в Константинополь для передачи значительных денежных средств Константинопольской патриархии. Как видим, чернец Родион назван бывшим боярином, следовательно, монашество было несовместимо с боярством.⁴⁷ Исходя из этого, можно предположить, что боярин митрополита Киприана Андрей Ослябя, упомянутый в грамоте начала 1390-х гг., к 1398 г. принял монашеский постриг с именем Родион и по совету того же митрополита Киприана, которому ранее служил, был послан в Константинополь с важным поручением.⁴⁸ По предположению А. Л. Никитина, слово «чернец» в грамоте 1483 г. — это помета при имени Андрея Осляби, сделанная после его

---

⁴⁵ Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 107.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 228.

⁴⁷ По словам А. Л. Никитина, «"чин чернеческий" несовместен как с "саном боярским", так и вообще с каким-либо саном» (Никитин А. Л. Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 515).

⁴⁸ Мнение о том, что Андрей Ослябя и Родион Ослябя — это один и тот же человек, высказано А. Л. Никитиным (Никитин А. Л. Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 513–514). В. А. Кучкин вслед за С. Б. Веселовским считает, что Родион был близким родственником Андрея (Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 107).

пострижения на подлиннике грамоты конца XIV в. и механически перенесенная в новый текст.⁴⁹

Под 1425 г. Воскресенская летопись упоминает митрополичьего боярина Акинфа Ослебятева, вероятно, сына Андрея, служившего уже митрополиту Фотию. На этом основании В. А. Кучкин сделал вывод, что род Ослебятевых служил русским митрополитам. Митрополичьим боярином, по его предположению, был и Пересвет, поскольку являлся родственником Осляби. Таким образом, по мнению В. А. Кучкина, Пересвет и Ослябя были не чернецами, а митрополичьими боярами, одной из обязанностей которых было участие в военных походах московского князя.⁵⁰ А. Л. Никитин, однако, предполагает, что митрополичьим боярином Андрей Ослябя стал уже после Куликовской битвы, а до этого оба брата были боярами на службе у московского князя. «В XIV в. город Любутск входил в состав брянских земель Великого княжества Литовского, а более точно — в состав владений князя Дмитрия Ольгердовича. Переход этого князя на службу к Москве определил и судьбу обоих братьев, последовавших за своим сюзереном».⁵¹ Один из них погиб на Куликовом поле, другой, по видимому, стал позднее митрополичьим боярином. Следует отметить, что Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, проходивший 2–3 февраля 2016 г., принял решение об общецерковном прославлении местночтимых преподобных Александра Пересвета (†1380, память 7 / 20 сентября) и Андрея Осляби (†1380, память 7 / 20 сентября). Как видим,

---

⁴⁹ Никитин А. Л. Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 516.

⁵⁰ В. А. Кучкин ссылается на Уставную договорную грамоту 1392 г. великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы. С. 107–108).

⁵¹ Никитин А. Л. Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 513.

оба они канонизированы как погибшие в Куликовской битве.⁵²

Скорее всего, Пересвет и Ослябя в действительности не были монахами Троице-Сергиева монастыря, об этом говорит и отсутствие их имен в синодиках Троице-Сергиевой лавры. По легенде, Пересвет и Ослябя были похоронены после битвы в Симоновом монастыре, что также было бы странно, будь они монахами Троице-Сергиева монастыря. Не случайно в одну из поздних редакций «Сказания» (редакцию Летописца князя И. Ф. Хворостинина) внесен фрагмент, повествующий об отправке с поля битвы тел Пересвета и Осляби (!) в Троицкий монастырь, к преподобному игумену Сергию, «с сыном боярским Иваном Синицыным, а с ним послаша воиска 2000». Там Пересвет и Ослябя и были погребены «честно» 23 сентября.⁵³

Эпизод поединка Пересвета с богатырем из войска Мамая, который сравнивается автором с библейским Голиафом, следует отнести к анахронизмам «Сказания». В списках О, У и Забелинском списке Основной редакции, в Летописной и Распространенной редакциях он называется *печенегом* (sic!), а позднее получает различные имена.⁵⁴

---

⁵² О широко развитом почитании Пересвета и Осляби см.: Соловьев Ю. Духовные витязи брянской земли : Александр Пересвет и Андрей-Родион Ослябя // Брянская Тема. 2012. № 12. См. также: Шишов А. В. Александр Пересвет (?–1380) : Герой Куликовской битвы. Воин-схимник // Шишов А. В. 100 великих героев. М., 2009. С. 238–240. Здесь Александр Пересвет и Дмитрий Донской включены в число ста великих героев разных стран и эпох, но «биография» Пересвета поражает своей сказочностью. Например, он оказался в монастыре потому, что ему отказали в руке некоей княжны, «после этого брянскому боярину не мил стал ни белый свет, ни бранные утехи», и он решил стать монахом.

⁵³ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 292–293.

⁵⁴ «Печенег именем Телебей» (Основная редакция по Ермолаевскому списку), просто Челубей или Челебей (в редакции Синописиса 70-х гг. XVII в. и в редакции Пантелеймона Кохановского 1681 г.) – исторический Челяби-эмир, сын султана Мурада I, взявший в 1393 г. Тырново, столицу Второго Болгарского

Этот вымышленный эпизод создан автором «Сказания» по аналогии с библейским преданием о поединке Давида с Голиафом, символизирующим превосходство духовной силы над физической, а также с учетом рассказов русских летописей о поединке юноши-кожемяки с печенегом в 992 г. и поединке Мстислава с Редедей в 1022 г. Такие поединки возможны были в древности между небольшими по численности отрядами во избежание кровопролития. Поединок печенежского и русского богатырей должен был решить исход трехдневного противостояния на разных берегах Трубежа Владимира I и печенежского князя. Последний якобы предложил Владимиру: «Да аще твой муж ударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашъ мужъ ударить, да воюемъ за три лѣта».⁵⁵ Касожский князь Редедя предложил Мстиславу в 1022 г., дабы не губить дружины, решить дело поединком-борьбой, без применения оружия, на условиях: «Да аще одолѣши ты, то возмеша имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою. Аще ли азъ одолѣю, то възму твою все». После победы Мстислава над Редедей (хоть и нечестной, с применением ножа) касоги ушли без боя, Мстислав «шедь в землю его», взял в плен его жену и детей, а касогов обложил данью.⁵⁶ Такой поединок вместо сражения войск был невозможен в конце XIV в. между русскими и ордынцами: исследователи отмечали, что в Орде поединки были категорически запрещены.⁵⁷ «Сказание» не случайно умалчивает

царства. В Киприановской редакции противник Пересвета – Темир-мурза, соответствующий историческому Темир-Аксаку (Тамерлану). Есть списки «Сказания», в которых противник Пересвета носит имя Таврул – это имя захваченного под стенами Киева татарина из войска Батыя, как следует из статьи Ипатьевской летописи под 1240 г.

⁵⁵ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 84.

⁵⁶ Там же. С. 99.

⁵⁷ «Как согласно показывают авторы восточных хроник и европейские путешественники, оставившие записки о монголах и ордынцах, не только поединки, но и какое бы то ни было индивидуальное проявление в бою у тех и других было категорически

о том, в чем был смысл такого поединка, каковы были его условия.⁵⁸ «Летописная повесть», первоначальный текст которой был создан в окружении Дмитрия Донского вскоре после битвы, сообщает, что, когда пришло время сражения, прежде начали сходиться сторожевые полки, русские и татарские, в сторожевом полку и возглавил битву Дмитрий Иванович. Затем вступили в действие основные силы.

В результате введения в «Сказание» эпизода поединка Пересвета с богатырем, подобным библейскому Голиафу, честь открытия битвы, принадлежавшая в «Летописной повести» великому князю, отдается иноку Пересвету, который «превращается в символ искупительной жертвы, принесенной церковью на алтарь свободы Отечества».⁵⁹

Автор «Задонщины», основываясь на тексте «Сказания»,⁶⁰ берет из сложившейся легенды о благословении

запрещено. На войско противника обрушивался стремительный удар конной лавы, предваряемый дождем стрел, а если натиск был остановлен, лава откатывалась, перестраивалась и повторяла атаку. Особенно строго ордынские военачальники следили, чтобы никто не разрывал строя и не вырывался из него. Виновных, пусть даже показавших чудеса храбрости, ожидала смертная казнь» (*Никитин А. Л.* Александр Пересвет и Сергей Радонежский. С. 527). О боевых качествах монгольских воинов и о тактике боя монгольских войск с указанием первоисточников пишет Р. П. Храпачевский. См.: *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М., 2005. С. 192–206.

⁵⁸ Высказывалось мнение, что поединок двух богатырей «имел целью воодушевить войска обеих сторон. Гибель богатырей в результате единовременного удара копьями произвела сильное впечатление на наблюдавших за традиционным поединком» (*Бескровный Л. Г.* Куликовская битва // Куликовская битва. М., 1980. С. 238). Курсив мой.

⁵⁹ *Егоров В. Л.* Пересвет и Ослябя. С. 181.

⁶⁰ Все исследователи единодушно считают, что «Задонщина» создана ранее «Сказания», и в соответствии с этим полагают, что Пересвет и Ослябя впервые названы чернецами в «Задонщине», из которой их имена якобы попали в «Сказание». Такое представление о взаимоотношении памятников основано на том, что в «Ска-

Сергием великого князя Дмитрия лишь имена Пересвета и Осляби. В «Задонщине» «чернец» Пересвет не сражается с татарским богатырем и не облачен в схиму: сверкая позолоченным доспехом, он «поскакивает» на коне по полю боя, разя врагов. И если в «Сказании» Пересвет обращается к Ослябе со словами прощания, то в «Задонщине», напротив, Ослябя обращается к Пересвету, *предрекая* ему *гибель* на поле брани, что менее правдоподобно и, по всей видимости, вторично. Из «Сказания» автором «Задонщины» заимствовано также имя Иакова, который по «Сказанию» является сыном Пересвета (Пересвет перед битвой, предвидя свою гибель, просит Ослябю передать ему благословение).⁶¹ В «Задонщине» по списку Ундольского он также является сыном Пересвета, тогда как в текстологи-

---

зании» есть вставки из «Задонщины». Доказательству того, что эти вставки были внесены не в авторский текст «Сказания», а в протограф дошедших редакций (что не исключал Л. А. Дмитриев), будет посвящена особая статья. В то же время есть явные свидетельства того, что автор «Задонщины» основывается на тексте «Сказания»: он лишь туманно намекает на те эпизоды, которые подробно разработаны в «Сказании» и потому были понятны его читателям. Например, на выезд засадного полка, о котором подробно рассказано в «Сказании», автор «Задонщины» намекает фразой: «И нукнувь князь Владимиръ, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвѣчиваше». На это впервые указал С. К. Шамбинаго. А. А. Шахматов также отказывался видеть здесь обратную зависимость текстов. Трудно согласиться с противоположным мнением, будто «этот довольно расплывчатый намек» «Задонщины» поясняется автором «Сказания» рассказом о засадном полку (см.: *Кучкин В. А. Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 19; эту же точку зрения см. в статье: Скрынников Р. Г. Куликовская битва : Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 67).*

⁶¹ Так в Основной редакции по списку О. См.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 43. В некоторых вариантах Основной редакции «Сказания» Яков Ослебятин упоминается в числе воинов, посланных в поле в первом сторожевом отряде. В Киприановской, Летописной и Распространенной редакциях имени Иакова нет, здесь текст переработан.

чески связанных списках И-1 и К-Б – уже сыном Осляби. В К-Б «Иаков Ослебятин» даже внесен в список убитых на основании предсказания Андрея Осляби. В позднем контаминированном Синодальном списке «Задонщины» имя Яков носит сам Пересвет.

Литературное предание о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на битву с Мамаем, заимствованное из Жития Сергия, как нельзя лучше отвечало идеологической направленности «Сказания о Мамаевом побоище». Публицистическая идея «Сказания» заключается в утверждении главенствующей роли деятелей русской православной Церкви в организации сражения русских князей с Мамаем и в одержанной в этом сражении победе. Л. В. Черепнин, сравнив «Летописную повесть» и «Сказание», отметил, что в первом случае перед нами воинская повесть, чуждая узко религиозной направленности. Главным героем в «Летописной повести» является сам московский князь с его «воями», именно они одержали победу в Куликовской битве. Эта историческая концепция перерабатывается в «Сказании» книжниками, принадлежавшими к церковным кругам. Они выдвигают на первое место деятелей русской Церкви – митрополита Киприана, которого не было в Москве в 1380 г., и Сергия Радонежского. В связи с этим значительно принижена роль Дмитрия Ивановича в сражении и одержанной на поле Куликовом победе. По «Сказанию», Дмитрий был ранен во время боя и будто бы покинул поле битвы, лежал без памяти у срубленной березы.⁶² Тут его и нашли воины, посланные на поиски Владимиром Андреевичем, победно завершившим битву с Мамаем и ставшим в качестве победителя «на костях». М. Н. Тихомиров охарактеризовал эту версию как «своего рода памфлет, направленный против

---

⁶² Согласно «Летописной повести», Дмитрий Иванович не был ранен: «много ударения ударишася по главѣ его и по плещема его и по утробѣ его», – «но от всѣх сих Богъ заступил его въ день брани щитом истинным <...> и тако промежи ратными многими цѣл съхраненъ бысть» (Сказания и повести о Куликовской битве. С. 22).

великого князя и, вероятно, возникший в кругах, близких к Владимиру Андреевичу Серпуховскому». ⁶³ Столь же далек от действительности эпизод с переодеванием великого князя: по «Сказанию», перед началом битвы Дмитрий Иванович обменялся доспехами и конем со своим боярином Михаилом Бренком, который встал в центре под великокняжеским знаменем и был под ним убит. По словам Р. Г. Скрынникова, «легенда о переодевании Дмитрия Донского поражает своими несообразностями. Трудно поверить, чтобы князь мог отдать любимого коня кому бы то ни было. Боевой конь значил для воина слишком много, чтобы менять его за считанные минуты до сечи. Конь мог вынести седока с поля боя, либо погубить его. Великокняжеский доспех отличался особой прочностью и был лично подогнан к его фигуре. Менять его также было бы делом безрассудным». ⁶⁴ Этот эпизод явно снижает образ великого князя как руководителя русского войска. Вряд ли можно рассматривать его как свидетельство храбрости и доблести Дмитрия Ивановича, как желание автора «Сказания» показать, «что великий князь московский хочет биться с врагом наравне со всеми, как простой воин». ⁶⁵

Приведенные фрагменты «Сказания» не позволяют согласиться с мнением Л. А. Дмитриева, что «главный герой “Сказания” – Дмитрий Донской», а «“Сказание” – это не только рассказ о Куликовской битве, но и произведение, посвященное восхвалению великого князя московского», которого автор изображает «мудрым и мужественным полководцем, подчеркивает его воинскую доблесть и отвагу». По словам Л. А. Дмитриева, тем самым автор хотел «подчеркнуть, что на первом месте среди всех русских князей стоит великий князь московский, что именно он

---

⁶³ Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года. С. 346, 370.

⁶⁴ Скрынников Р. Г. Куликовская битва : Проблемы изучения. С. 68.

⁶⁵ Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище» // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 144.

и Москва должны объединить русских князей и руководить ими». ⁶⁶

Принижая роль великого князя Дмитрия Ивановича и даже выставляя его в невыгодном свете, автор «Сказания» всячески подчеркивает активную роль в сражении Владимира Андреевича Серпуховского, братьев его жены – литовских князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей, Дмитрия Боброка Волынского, «монахов Троице-Сергиевой лавры» Пересвета и Осляби. Это дает исследователям основание полагать, что «Сказание» было создано в Троице-Сергиевом монастыре: он находился на земле, принадлежавшей семье Владимира Андреевича Серпуховского, которая много сделала для обогащения удельного монастыря. ⁶⁷

Создание «Сказания» в Троицком монастыре объясняет его ярко выраженный церковно-религиозный характер. Он проявляется не только в выдвигании на первое место церковных деятелей (митрополита Киприана и игумена Троицкого монастыря Сергия), но также в религиозной трактовке образа Дмитрия Донского, характеристика которого «скорее похожа на характеристику святого, чем государственного деятеля»: он «представляется смиренным христианином <...> уповающим во всем на Бога», постоянно молящимся. ⁶⁸ Как ответ на его молитвы воспринимается небесное видение, посланное Богом разбойнику Фоме перед битвой: «два юноши» (святые Борис и Глеб) «иссекоша» полки, пришедшие с востока. ⁶⁹ Мысль «о неизбежности краха гордых планов завоевателей», о «победе христианского смирения над гордостью» внушалась читателям «Сказания» с помощью последовательно использо-

---

⁶⁶ Там же. С. 140.

⁶⁷ Шахматов А. А. Отзыв о сочинении С. Шамбинаго... // Отчет о двенадцатом присуждении Императорскою академиею наук премий митрополита Макария в 1907 году. СПб., 1910. С. 181; Скрынников Р. Г. Куликовская битва : Проблемы изучения. С. 59.

⁶⁸ Дмитриев Л. А. Публицистические идеи «Сказания о Мамаевом побоище». С. 141.

⁶⁹ Сказания и повести о Куликовской битве. С. 40–41.

ванного в нем приема сопоставления участников и самого факта Куликовского сражения с персонажами и событиями библейской и христианской истории.⁷⁰

В образно-символической системе «Сказания» важную роль играют молитвенные тексты и цитаты из Священного писания. При этом в Основной редакции «Сказания» прослеживается четкая связь со Службой мученикам, которая чаще прочих звучала в годовом богослужебном круге и тексты песнопений которой были хорошо известны средневековому человеку. Красной нитью через все «Сказание» проходит этот мотив Службы мученикам (и связанный с ним образ «венца победы»), тесно переплетающийся с радостным пасхальным мотивом победы. В последующих редакциях акценты постепенно смещаются и утрачивается связь с текстом Службы мученикам.⁷¹

Согласно наблюдениям В. М. Кириллина над текстом Ундольского варианта Основной редакции, «многое в данном тексте может быть объяснено только мистико-символическим типом авторского сознания, причем сознания, которое отличало также и автора первоначального текста “Сказания”». В частности, Кириллин отмечает, что создатели «Сказания» при описании битвы пользовались литургическим, изначально библейским, а значит сакральным, счетом времени

---

⁷⁰ Кусков В. В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 44–51.

⁷¹ Алехина Л. И. Сказание о Мамаевом побоище и Служба святым мученикам // Чтения по истории и культуре древней и новой России : Материалы конференции (Ярославль, 7–9 октября 1998 г.). Ярославль, 1998. С. 63–66. См. также: Петров А. Е. Литургический контекст «Сказания о Мамаевом побоище» // Ad fontem = У источника : Сб. статей в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 243–255; Гардзанити М. Библейские цитаты и «мистерия» в «Сказании о Мамаевом побоище» // Гардзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М., 2014. С. 103–120.

(который не соответствовал дискретности реального светового дня на Руси).⁷²

Итак, мы видим, что «Сказание» представляет собой произведение опытного церковного писателя. Его повествовательная структура продуманна и гармонична, в нем последовательно проведена идея о важной роли Церкви в организации сражения Дмитрия Ивановича с Мамаем, в том числе с помощью вымышленных эпизодов.

Использованная в «Сказании» легенда о благословении Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву была создана независимо друг от друга двумя книжниками: в «Летописной повести» и в Житии Сергия Радонежского редакции Пахомия Серба. Эта легенда имела важное общественно-политическое значение для своего времени: она убеждала, что Сергей Радонежский своим высоким духовным авторитетом оправдывал и благословлял выступление русских князей против ордынцев, тем самым побуждая к дальнейшей борьбе за независимость Руси от Орды. Лишь на заключительном этапе формирования легенды о благословении, в «Сказании», наряду с Сергием Дмитрия Ивановича благословляет митрополит Киприан – как высший иерарх русской православной Церкви.⁷³

---

⁷² Кириллин В. М. Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище» // Кириллин В. М. О книжности, литературе, образе жизни Древней Руси. М., 2013. С. 28–91.

⁷³ В поздней Киприановской редакции «Сказания» Дмитрия Донского по его просьбе благословляет еще и коломенский епископ Герасим при выходе войска из Коломны (см.: Сказания и повести о Куликовской битве. С. 58).